

Русская культура в философской перспективе

ЖУКОВА О. А. (2017). ФИЛОСОФИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЧЕЛОВЕКА И ИСТОРИИ. М.: СОГЛАСИЕ. 624 с. ISBN 978-5-906709-88-2

Дмитрий Носов

Кандидат философских наук, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: dnossov@hse.ru

В статье рассматривается новая монография российского философа и культуролога, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» О. А. Жуковой. Предметом обсуждения статьи является предлагаемый Жуковой философский подход к анализу культурной истории России, опирающийся на основные идеи и сюжеты истории и актуального состояния русской общественной и религиозной мысли. Автор книги создает широкую панораму развития российской истории, выявляя особенности формирования ценностной структуры и специфику бытия национальной культуры. Жукова рассматривает русскую культуру как сложный результат взаимодействия религиозных, политических и художественных традиций, их преемственности и их разрывов. В монографии прослеживается путь формирования русского типа философствования с его повышенным вниманием к проблемам истории, культуры, нравственности и творчества. В статье показано, что автор, анализируя социальные и духовные трансформации, происходившие с русским обществом при переходе от традиционной культуры к модерну, продолжает линию познания национальной истории, начатую русскими философами-европеистами в XIX — первой половине XX века. Жукова создает любопытную реконструкцию отечественной культуры, осуществляя историко-философскую рецепцию наследия русских мыслителей. Данная работа представляет собой критический анализ исследования Жуковой. Помимо рассмотрения культурологической концепции О. А. Жуковой автор статьи размышляет и об идеальной модели, и о практике редакционно-издательской деятельности. Анализируемый текст исследуется автором статьи не только как плод работы ученого-исследователя, но и как результат деятельности издательства, специализирующегося на публикации научной литературы. Статья демонстрирует «зоны ответственности» ученого — автора текста и редакционно-издательских работников, готовящих книгу к встрече с читателем.

Ключевые слова: философия культуры, история русской философии, история русской культуры, история России, религиозный опыт

Держу в руках 622-страничный том «Философия русской культуры: метафизическая перспектива человека и истории», автор которого О. А. Жукова, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Уже сам масштаб этого исследования побуждает каждого библиофила не только с уважением отнести к *Magnum Opus* автора текста, но и придирчиво взглянуть на книгу как на продукт издательской деятельности и полиграфического производства. Соответственно, и мои рассуждения проделают три «круга» — во-первых, поразмышляем над текстом автора, во-вторых, посмотрим на продукцию редакционно-издательской работы и, в-третьих, «попробуем на зубок» полиграфическое изделие.

Итак, первый «круг».

Очевидно, что такой масштабный текст — 39 печатных листов — невозможен без огромной предварительной работы. Опубликованная монография продолжает многолетние изыскания автора в области философии русской культуры и истории отечественной мысли (Жукова, 2014, 2007: 1–10). В новом исследовании Ольга Анатольевна сосредотачивает свое внимание на проблеме «смысловой взаимообусловленности религиозной, художественной и социально-политической традиции в российской истории» (с. 2). Вопрос о специфике российской культурной истории она ставит как философский вопрос о человеке, культуре и творчестве.

Саму возможность подобного подхода автор обосновывает во Введении, провозглашая, что «подход к истории культуры как к культурному преданию, к культурному мифу, создаваемому личностью... позволяет осуществить философскую рефлексию и тематизировать философскую проблематику, извлекаемую из событий жизни и сублимируемых в тексты — произведения культуры» (с. 12).

Цели и задачи, на которые автор «замахнулся» и которые сформулированы во Введении (задачи, решаемые как всей работой в целом, так и Введением в частности), чрезвычайно масштабны и амбициозны:

1) осуществить методологическую перезагрузку в российских исследованиях культуры и истории;

2) подступиться к проблеме освоения и трансляции русской философской мысли, «ввязаться» в борьбу за наследие, по-новому поставить вопрос о русской философии, о том, «что можно понимать под концептами „русская философия“, „философия русской культуры“, „философия русской истории“, так же как и вопрос о самой возможности существования и развития „русского проекта“ *философствования* в современной интеллектуальной культуре» (с. 7);

3) проанализировать цивилизационный спор о России, ее культурной идентичности, о значении религиозного фактора в русской духовной и социально-политической жизни, который, по мысли Жуковой, во многом определил «дискурс о русской культуре» (с. 9)¹;

1. Как мне кажется, подобная постановка вопроса отсылает читателя к традиции интерпретации русской философии представителями религиозно-философской мысли (Зеньковский, 1991: 11–22; Лосев, 1991: 209–236; Лосский, 1994). Жукова ссылается на актуальность и эвристическую ценность опыта религиозно-философской мысли Серебряного века: «Обозначенные ими религиозно-философские подходы к осмыслению феноменов культуры и истории вполне могут вписаться в современный тренд конструирования новых концептуальных моделей философского знания в области метафизики, онтогносеологической теории, обновления топика и методологии культурфилософских и историософских исследований» (с. 10).

- 4) выявить методологические трудности исследования, предмет которого располагается на пересечении философского и богословского полей (с. 10);
- 5) осуществить переход от мифа о русской культуре к философской интерпретации культурной истории как «истории прецедентов творчества» (с. 13);
- 6) описать методологические подходы, используемые в исследовании (фило-софско-культурологический, герменевтический, структурно-семиотический) (с. 15–19);
- 7) обозначить рамки исследования, осуществить программную селекцию сюжетов и идей:

Специально заметим, что в нашей работе главным образом будет рассматриваться *линия преемственности* русской культуры, связанная с опытом непосредственного восприятия Бога, целостности природы, мира культуры и человека, а также *рецепция этой традиции*, где данная особенность русской культуры, ее ценностно-смысловая и практикоориентированная религиозность становится самостоятельной и доминантной темой философской рефлексии. Русские мыслители, осуществившие рецепцию данного типа, переводят культурфилософскую проблематику в плоскость метафизики истории и культуры, прочитывая за событиями жизни и истории их трансцендентный смысл, что, по выражению Бердяева, свидетельствует о том, как «метаистория прорывается в историю. (С. 16);

- 8) дать описание собственной философско-методологической позиции, своего понимания феномена культуры:

Сквозь призму философско-культурологического подхода человек предстает в многообразии форм своей творческой деятельности, социальных взаимодействий и смысловых взаимосвязей с интеллектуальными и духовными традициями культуры. Подобный поворот пролагает путь к персонализированной истории культуры, которая мыслится как интеллектуальная история — история творческих прецедентов, где результатом творчества выступают идеи, овеществленные в произведениях искусства и текстах культуры. Отбор и философское осмысление фактов жизни и творчества позволяют осуществить новую интерпретацию русской культуры, проведя процедуру *реконструкции творческого опыта*. В такой истории работают не только законы исторической случайности и закономерности, релевантные для больших социальных общностей и всемирно-исторических событий, но и личностные законы *субъектов творчества*. Индивидуальное событие творчества в ряду других историй творчества составляет интеллектуальное пространство культуры — континуум культурной истории. (С. 19–20);

- 9) продемонстрировать, что историософская и культурфилософская логика автора близка русским мыслителям-европеистам. В рамках традиционного для русской культуры спора о России и Европе Жукова интерпретирует европейскую культуру как «свое-другое национальной культуры» (с. 20).

На первый взгляд кажется, что замысел неподъемен для одного исследователя. Но Жукова справляется с этой грандиозной задачей. Ответ на вопрос, как ей это удастся, лежит, скорее всего, в широте ее профессионализма: она, с одной стороны, профессиональный культуролог, с другой — высококвалифицированный исследователь-философ. Благодаря такому — стереоскопическому — взгляду на изучаемый предмет (по определению автора, ее работа — это «метафизическое введение в философию русской культуры» [с. 21]) поставленная цель оказалась достижимой.

Посмотрим на то, как автор двигался к своей цели.

В первом разделе «Человек русской культуры: опыт философско-культурологической реконструкции» дана авторская модель интерпретации культурной истории России и типология русской культуры, основанием которой выступают модели творческого опыта. Особое внимание исследовательница уделяет христианской компоненте отечественной культуры и искусства.

В первой части данного раздела проведен обстоятельный разбор литературной традиции, даны характеристики эстетики иконописи и культового искусства, описаны нравственные константы русской культуры, которые выявлены через анализ произведений древнерусской письменности и русской литературной классики.

Культурологическая составляющая профессионализма Жуковой ярко проявляет себя в предпринятой ею реконструкции эстетических идеалов русских композиторов, анализе их художественного опыта, вычленении религиозной составляющей их творчества. Интересны размышления автора о моральной ответственности Художника, о личности Творца.

Неожиданным вкраплением в исследование о метафизической перспективе человека и истории оказывается пятая глава первого раздела, посвященная пейзажному образу в русском искусстве. Автор предпринимает попытку увязать эстетику пейзажного образа с философским взглядом на мир, пишет о красоте и совершенстве, об идеалах гармонии природного, культурного и божественного. Но от этих, достаточно идиллических сюжетов Жукова переходит к куда более трагическим феноменам — к трансформации идеалов русской классики в периоды, которые автором монографии определены как «постклассика» и «неклассический опыт» культуры. Проблема преемственности и отталкивания от традиции — вот то, что интересует исследовательницу в первую очередь.

Позитивизм и утопия русского авангарда, мистическая интуиция и философия творчества символизма, следование религиозно-философским идеалам и ценностям русской культуры, историческая динамика русской культуры на примере образа ночи в литературе и кинематографе — интереснейшие сюжеты, ставшие объектом изучения в заключительных главах первого раздела.

Во втором разделе монографии «Русская культура: философская оптика исторических трансформаций» предметом анализа становится рецепция культурной истории России в творчестве русских мыслителей, совершивших попытку ин-

теллектуального синтеза дискурсивных и недискурсивных практик европейской и русской культуры.

Второй раздел — это реконструкция философии русского европеизма с ведущими для нее темами философии российской истории, метафизики власти, метафизики культуры, философии творчества. Автор предпринимает попытку подняться к теоретическим обобщениям на основе изучения творческого опыта выдающихся деятелей русской культуры, их интеллектуальной эволюции, философской интерпретации тем, определяющих направленность и характер размышлений самых глубоких авторов, выявляя глубинную мотивацию творческих личностей, описывая интеллектуальный и нравственный горизонт их жизни.

С моей точки зрения (я понимаю, что это обусловлено моей собственной профессией), наиболее интересна та часть монографии, которая посвящена анализу философских взглядов выдающихся отечественных мыслителей.

Жукова переходит от размышлений об идеях Карамзина и Станкевича к воззрениям Федотова, Бердяева, Трубецких, Вейдле и Степуна. «Фокус» ее исследовательского «объектива» постепенно смещается от философии истории к религиозной метафизике культуры. Не берусь здесь — в небольшой статье — подробно описать все те сюжеты, что становятся предметом исследования в монументальной книге, но уже одного их перечисления достаточно, чтобы оценить широту и глубину авторского подхода: дискурс о национальной культуре, нравственный идеал в истории, творчество в истории, христианство как основа социальной и культурной жизни России, моральное измерение политического, онтология русской свободы, универсализм русской культуры, философия Логоса (онтологизм русской мысли), экзистенциальный и духовный модус творчества, метафизика революции, историческая и метафизическая идея России.

Проведенное автором обстоятельное исследование позволяет ей сформулировать ряд обобщающих заключений. Полученные Жуковой выводы на первый взгляд содержат в себе определенные противоречия.

1. С одной стороны, отмечаются черты, роднящие русскую интеллектуальную традицию с европейской. Действительно, озабоченность мыслителей — особенно мыслителей XX века — вопросами бытия человека, судьбами европейской культуры и христианской цивилизации очевидный факт (с. 602–603). Эта озабоченность «не замечает», «не ощущает» «границы, пролегающей по реке Западный Буг».

С другой стороны, не менее скрупулезно в монографии вычленяются и черты, специфичные именно для русской интеллектуальной традиции.

Все без исключения герои, о которых идет речь в настоящей книге, понимали свою задачу именно как культурную работу в выстраивании преемственности традиции через философское постижение культуры и истории, центром которых был человек, обремененный последними вопросами бытия и «проклятыми» вопросами русской жизни. В этом заключался главный культурно-философский и исторический пафос русской мысли и литературы, которая во многом самоопределялась в кругу проблем онтологии культуры

и искусства, метафизики истории, нравственной философии и учения о человеке. В данном контексте справедливо утверждать, что *идея русской философии направлена как на создание оригинальной христианской метафизики, так и на сохранение единства смыслового поля отечественной культуры, ее «семиосферы»*, удерживающей исторический массив российской цивилизации в большом времени мировой культуры. (С. 607)

2. Автор много внимания уделяет христианской составляющей в истории отечественной художественной (первый раздел) и интеллектуальной (второй раздел монографии) истории. И наглядно демонстрирует, насколько эта составляющая значима. И одновременно с таким же тщанием анализирует «деконструкцию христианской цивилизации», энтропию ее идеалов, что ставит под сомнение саму возможность вопроса «как можно быть в онтологическом смысле, когда провозглашена свобода от вечности?» (с. 604).

Однако следует констатировать, что отмеченные противоречия — это не логические ошибки автора, а фиксация той «разорванной» реальности, того кризиса культуры, через которые прошли и Европа, и Россия в XX веке. И именно осознание масштабности и глубины этого кризиса «вынуждает» автора задаться кантовским вопросом: «На что можно надеяться?»

Как в этом контексте возможна русская культура с ее метафизическим горизонтом и идеалами, с ее устремленностью к духовному совершенствованию и с творческим путем жизни и, следовательно, как возможна «русская мысль, содержащая религиозную интуицию», рефлексирующая над этим опытом и сама являющаяся путем восхождения к высшему смыслу?

Положительный ответ, по мнению Жуковой, возможен только в том случае, если борьба за человека и историю — та борьба, которая была стержнем русской культуры и философии, — будет нами продолжена (с. 608).

Подводя итог первому «кругу» своих размышлений, еще раз выражу свое восхищение той отвагой, с которой автор монографии взялась за столь масштабный проект, и тем результатом, который ей удалось достичь.

Но перейду ко второму «кругу» — взгляну на выпущенную издательством «Согласие» книгу как на продукт редакционно-издательской работы. Открою непосвященным маленькую тайну издательского сленга: автор книгу «пишет», а редактор книгу «делает». Так вот, давайте поговорим про то, как книга «сделана».

Прежде всего следует отметить, что в выходных данных книги нет фамилии корректора. Можно предположить, что корректора и в самом деле не было. Свидетельством тому заметное число опечаток в наборе. Да, я как человек с десятилетним стажем книжного редактора знаю, что книг без опечаток не бывает. К сожалению, в этом большом тексте бросаются в глаза обидные, пропущенные буквы «о» в слове «историософский», разные написания буквы «ё» — то с точками, то без точек — в фамилиях Трёльча (с. 12) и Гете (с. 17), как и неверные переносы слов. К этому списку можно добавить допущенную неточность в оформлении цитат.

Так, на страницах с 53-й по 57-ю обсуждаются идеи Псевдо-Дионисия Ареопагита и цитируется труд «О божественных именах». На всех этих страницах сноски даны «Там же. С. ...». Но первая сноска на стр. 56 — это сноска к цитате Максима Исповедника (его комментарий к тексту Псевдо-Дионисия Ареопагита в этом издании), но стоит все то же «Там же...».

Опираясь на свой редакторский опыт, конкретные претензии я мог бы адресовать также редактору книги Т. В. Глазковой.

Что обычный потребитель книгоиздательской продукции знает о работе редактора? Боюсь, что многие читатели даже не задумываются о том, что редактор и корректор — это совершенно разные функции. А те хорошо подкованные читатели, которые эту разницу знают, зачастую думают, что роль редактора сводится к борьбе со словосочетаниями «имеет роль», «играет значение», «передовой авангард» и «расширение экспансии». Да, это действительно часть работы редактора. Но далеко не только это.

Напишу сейчас о некоторых весьма непростых задачах, которые приходится решать книжному редактору. Прежде всего: редактор — это первый читатель авторского текста, причем читатель квалифицированный. И в процессе чтения «рукописи» («рукопись» — это тот авторский текст, даже если этот текст набран на компьютере, из которого редактор «делает» книгу) редактор встречает какие-то фрагменты, смысл которых ему кажется не совсем понятным.

Тогда редактор показывает автору смутивший его абзац и говорит: «Этот абзац я не понял. Поясните свою мысль, пожалуйста». Автор начинает объяснять «непонятливому» редактору, что он хотел сказать, а редактор радостно восклицает: «Вот и напишите все то, что мне сейчас сказали!»

И оказывается, что автор давно сроднился с некоторыми своими глубоко продуманными мыслями, эти ходы рассуждения ему хорошо знакомы, поэтому он не задумывается о том, что для читателя все это есть *terra incognita*, и читатель не видит «свернутые» ходы. В результате в рукопись между первым и вторым предложением абзаца вставляются еще две фразы, а между вторым и третьим предложением оказывается еще целый самостоятельный абзац текста.

Так вот, мне кажется, что изданный текст редактором «сделан» без должного внимания к этой задаче. Есть целый ряд мест, где Глазкова должна была попросить автора развернуть его мысли, «прописать» более подробно свои рассуждения:

«Просветители славянских народов святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий созданием славянской азбуки сделали возможным обучение древних русичей азам христианской мудрости на родном языке» (с. 24).

«Самостоятельность авторской позиции продиктована прочным знанием и глубоким пониманием текста Св. Писания» (с. 26).

«Логика гармонии — это и есть внутренний событийный ряд работ Андрея Рублева. Коллизия рублевской „Троицы“ — коллизия тонического трезвучия — приведенная к единству разногласного и утверждения гармонии в качестве „основного тона“» (с. 39).

«Главным социальным институтом в России оказывалась личность, опирающаяся на знание, разум, интеллектуальную волю, духовно-нравственный опыт, развитое эстетическое чувство» (с. 338) и др.

Еще одной функцией редактора при работе с «рукописью» является следование своего рода бритве Оккама — осуществлять отсечение всего лишнего. Автору естественным образом хочется высказать все свои мысли, донести до читателя все результаты его — автора — интеллектуальных усилий. Но в итоге в «рукописи» зачастую оказываются те или иные главы, которые полностью выбиваются из общей логики именно этой «рукописи». Могу припомнить, что из второй на моем редакторском пути «рукописи» (ею была работа члена-корреспондента АН СССР Михаила Николаевича Руткевича и его соавтора Людмилы Яковлевны Рубиной «Общественные потребности, система образования, молодёжь») был «снят» целый раздел, а опубликованная книга была процентов на 40 «худее» первоначального текста.

Так вот, приведись мне работать с «рукописью» «Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории», я бы стал убеждать автора снять третью главу первой части первого раздела «Нравственный порядок человеческого бытия: христианский этос русской литературы» или как минимум ее радикально сократить. Эта глава посвящена теме грехов² и в основном состоит из святоотеческих цитат (и прочих цитат религиозных мыслителей и деятелей церкви). По моему мнению, это богословский текст, который по содержанию лишь косвенным образом связан с остальным корпусом книги. Вставки про русских писателей, что-либо сказавших про рассматриваемые грехи, выглядят не вполне убедительно для того, чтобы вписать главу в общий текст.

Повторю: я не сомневаюсь в достоинствах этой главы, сама по себе она очень интересна, и заинтересованность автора в том, чтобы донести до читателя и этот пласт своих размышлений, мне совершенно понятна. Но книга без указанной главы оказалась бы более целостным произведением.

И, наконец, третий «круг» моих размышлений.

Книга — результат усилий не только автора и издательства, но еще и продукт полиграфического производства. И я могу высказать свое сугубое восхищение продукцией акционерного общества «Т8 Издательские Технологии». Я прочитал книгу от корки до корки с карандашом в руках, я ее читал и за письменным столом, и в транспорте, и лежа, я ее разворачивал (перегибал блок пополам) более чем на 180 градусов, и этот огромный 39-лиственный блок и сейчас выглядит практически девственно. Данную книгу можно сдавать в читальный зал студенческой библиотеки, она пройдет через сотни рук и через десятки лет будет готова и дальше исправно служить своим читателям.

В целом же всех нас можно поздравить с тем, что из печати вышел такой глубокий, масштабный труд О. А. Жуковой и в таком прекрасном полиграфическом

2. Что само по себе чрезвычайно интересно, и я этими материалами в дальнейшем буду пользоваться в своих лекционных курсах.

исполнении. Хочется пожелать и автору, и издательству, и полиграфпредприятию дальнейшего плодотворного сотрудничества и новых свершений на ниве интеллектуального книгоиздания.

Литература

- Жукова О. А. (2007). История русской культуры в вузе: историческое знание и духовная традиция // Вопросы истории. № 8. С. 1–10.
- Жукова О. А. (2014). Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М.: Согласие.
- Жукова О. А. (2017). Философия русской культуры: метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие.
- Зеньковский В. В. (1991). История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Ленинград: Эго.
- Лосев А. Ф. (1991). Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат.
- Лосский Н. О. (1994). История русской философии. М.: Прогресс.

Russian Culture in the Philosophical Perspective

Dmitry Nosov

PhD in Philosophy, Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: dnossov@hse.ru

This article reviews the new research of the Russian philosopher and culturologist and National Research University Higher School of Economics professor Olga Zhukova. Zhukova proposes new philosophical approach to Russian cultural history analysis, based on the major ideas and stories of Russian social and religious thought. The author creates a broad review of the Russian historical development and reveals key features of the formation of system of values. Zhukova examines the Russian culture as a complex structure of religious, political, and artistic traditions. The monograph illustrates the formation of the Russian philosophy with its accent on historical and cultural problems. In analyzing the social and spiritual transformation that accompanied the transition of Russian society from a traditional to a modern culture, the author continues the study of national culture that was started by Russian philosophers of the 19th and the first half of the 20th century. Zhukova forms an inconvenient reconstruction of national culture and implements historical and philosophical concepts of the Russian thinkers. This article presents a critical analysis of Zhukova's research. Besides a review of Zhukova's culturological concept, the author explores the ideal model and the practice of the editorial and publishing business. The monograph is analyzed not only as a study of scientist and researcher, but also as a result of publishing office work. The article displays the "areas of responsibility" of the author and editors and publishers.

Keywords: philosophy of culture, the history of Russian philosophy, the history of Russian culture, Russian history, religious experience

References

- Losev A. (1991) *Filosofija. Mifologija. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture], Moscow: Politizdat.
- Lossky N. (1994) *Istorija russoj filosofii* [History of Russian Philosophy], Moscow: Progress.
- Zenkovsky V. (1991) *Istorija russoj filosofii. T. 1. Ch. 1* [History of Russian Philosophy, Vol. 1, Part 1], Leningrad: Ego.
- Zhukova O. (2007) *Istorija russoj kul'tury v vuze: istoricheskoe znanie i duhovnaja tradicija* [History of Russian Culture at the University: Historical Knowledge and Spiritual Tradition]. *Voprosy istorii*, no 8, pp. 1–10.
- Zhukova O. (2014) *Izbrannye raboty po filosofii kul'tury. Kul'turnyj kapital. Russkaja kul'tura i social'nye praktiki sovremennoj Rossii* [Selected Works on the Philosophy of Culture: Cultural Capital. Russian Culture and Social Practices of Contemporary Russia], Moscow: Soglasie.
- Zhukova O. (2017) *Filosofija russoj kul'tury: metafizicheskaja perspektiva cheloveka i istorii* [Philosophy of Russian Culture: Metaphysical Perspective on Man and History], Moscow: Soglasie.